

А. Водницкий

Жена рыбака

Артеми́й Водни́цкий

Жена рыбака

«Автор»

2026

Водницкий А.

Жена рыбака / А. Водницкий — «Автор», 2026

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН
И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕН ЖИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ БЕЗ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, НЕЙРОСЕТЕЙ
И АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ ГЕНЕРАЦИИ ТЕКСТА. Ничего
необычного, можете не читать. Но если прочтёте — опыт будет уникальный.

© Водницкий А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
I	6
II	9
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Артемий Водницкий

Жена рыбака

Глава

Жена рыбака

I

В один из дней на Императорский стол, сделанный из тёмного дерева со множеством золотых инкрустаций, лёг очередной выпуск газеты «Ведомости современника».

— Ваше Величество, позвольте пожелать вам доброго утра. Газеты содержат весьма примечательные статьи. Осмелился принести — полагаю, что они смогут заинтересовать, — отвлек внимание Императрицы её ближний советник.

— Михаил Васильевич, доброе утро. Вы мой главный источник новостей, благодарю.

— Не стоит благодарностей, — позволил себе за долгое время лёгкую улыбку советник. — Ваше Величество, относительно миазмов... Исходя из последних данных: в городе наблюдается повышение количества заболевших, и требуется ещё больше комиссий для существенного изменения ситуации.

— Поручаю вам заняться этим незамедлительно. Прошу предоставить мне промежуточный отчёт через неделю. Благодарю ещё раз, Михаил Васильевич. Можете идти.

Советник глубоко поклонился и ушёл, застучав туфлями по художественному паркету. Императрица взглянула в окно: на площади неспешно прогуливались люди. Погода была обыкновенная; облака затягивали небо, но солнце периодически прорывалось. Настроение весны в полной мере пробивалось сквозь окно. Лёгкое тепло и витающая в воздухе надежда наполняли её; хотелось на секунду открыть окно и впустить свежий воздух. Но холодный ветер, дующий с реки, мешал в полной мере насладиться этим днём. А в голове всё крутился диалог:

— Вячеслав Анатольевич, откуда появилась холера, малярия? Как они формируются, вследствие чего? — с детским интересом спросила Императрица.

— Ваше Высочество, грешные люди получают наказание за свои грехи. Бог оставил наш город, — потирая платочком вспотевший лоб, отвечал придворный врач.

— Довольно, — сухо сказала она. — Не хочу далее слушать. Спасибо. Вы свободны.

Она взяла газету и направилась в сторону библиотеки; если бы не дворцовый этикет, она бы уже давно поручила перенести туда свою кровать. Многовековая пыль летала в библиотеке — на неё она любила смотреть в солнечный день. Когда сквозь окно пробивался луч света и на нём поблёскивали частички пыли, её всецело охватывала фантазия. Она оказывалась в глубоком космосе: где каждая пылинка — звезда, а тоненькая стена света — туманность. На долгие минуты она забывалась и наполняла душу философствованием. Сев за парту, она аккуратно развернула газету, начала медленно прочитывать заголовок, параллельно наматывая на палец пепельный локон.

— Чудеса Империи! Рыбы не отражаются в реке! Сухие купальщицы!

Императрица нашла колонку в правой части газеты, где описывалось уникальное место. Река, в которую, если окунуться — выйдешь совершенно сухим. И в этой же реке не отражается пойманная рыба. Далее шла речь про необычных животных, что обитают в лесной чаще. В статье описывалась вроде бы обычная на вид косуля, но изо рта которой свисали длинные клыки. Затем — небольшой чёрный паук с толстым брюшком, на котором узоры отдалённо напоминали краснофигурную древнегреческую вазу. Отдельно подчёркивалось, что у паука были длинные, худые восемь лапок.

Она прочла статью — руки задрожали, глаза запрыгали по книжным полкам в поисках продолжения. Её Высочество бросилась искать книги по описанию млекопитающих животных. Пыталась найти и вычитать самое удивительное, что только возможно — а любознательность разгоралась всё сильнее и сильнее. С каждым прочитанным предложением она не находила утешения: нигде не описывалось ничего подобного тому, что было в газете.

— Что значит «сухим из воды»? Бобры без зубов?! Как это возможно... — она недоумённо перелистывала страницу за страницей. — Ах, боже... Сколько вопросов! Ни единого ответа!

Полностью обессилив, она рухнула на стол.

— Нужно немедленно отправляться к реке... — сказала себе под нос Императрица. — Я должна увидеть всё своими глазами!

Она выпрямилась, и на её лице родилась небольшая ухмылка.

— И надену... красный кафтан!

— Какая река? Ты о чём думаешь? На улицах чума гуляет, никуда ты не поедешь! — хлопая по столу, твердила она сама себе.

— Ситуация будет под контролем. Что не так?! Успокойся! — другая сторона её разума предоставила весомые доводы.

Детство будущей Императрицы прошло трудно и ограничено: её отрезали от всякого естества в совсем малом возрасте. Когда она стала чуть постарше, доходило и до того, что ей запрещали прогуливаться по Летнему саду. В качестве надлежащего воспитания к ней приставили архимандрита — человека, который фанатично следовал всем христианским догмам. Он запрещал даже самое простое движение без соответствующей молитвы, требовал обязательно соблюдать духовную дисциплину и трудиться. На некоторое время ему удалось ввести в сон детское желание всё потрогать, погрызть и выискивать ответы на фундаментальные вопросы. При одном из совместных чтений Священного Писания, когда они синхронно читали главу про сотворение неба и земли, она вдруг резко прервалась.

— Ваше Высокопреподобие, позвольте задать вопрос.

— Внимаю твоему вопросу, — жиденькая бородка перестала подметать каждую букву в священном писании. Голова архимандрита поднялась — он был во всём внимании.

— Почему небо голубое? — ноготь начал нервно стирать обложку книги; ноги сомкнулись, а на середине слова «голубое» подступил ком к горлу.

— Почему же ты, дитя, — архимандрит отложил книгу на холодный подоконник и медленно приподнялся, отталкиваясь руками от коленей, — вопрошаешь о том, что будет сильно выше ума твоего? Небо голубое — ибо так угодно Создателю, Творцу.

Священник зашёл за спину девушки.

— Открой Псалтирь, глава восемнадцатая, стих второй. Зачитай мне вслух, — приказал архимандрит.

— «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь». — она ещё сильнее замкнулась. — Я всё поняла, Ваше Высокопреподобие.

Гнев и отчаяние одолевали будущую Императрицу от одной лишь мысли, что в мире может быть что-то, к чему приложил руку Бог. Стремление познавать сидело так глубоко, что постоянно прорывалось сквозь плотные ветви религиозного учения. После уроков с архимандритом она пушечным выстрелом бросалась к книгам по естествознанию. В эти моменты она перерождалась, менялась: её взгляд был как распускающийся тюльпан — внимал солнцу. Походка становилась менее отягощённой, а слова — более материальными.

По мере взросления её дух креп, голова наполнялась знаниями, а за запертым шкафом скрывалось множество книг, которые бы убили наповал архимандрита. После прочтения французских научных просветителей каждый её взгляд на совершенно бытовой предмет сопровождался мыслями: из чего он состоит? По какому принципу работает? Она начала совершенно по-другому смотреть на звёздное небо: видеть его глубину и неисчерпаемость, объяснять себе научными терминами, почему какие-то яркие огоньки висят на невидимой леске на фоне пустоты.

Рукотворная пустота ночи начала обволакивать землю. По небу скользили картины, написанные высохшими красками. Со стороны начал дуть холодный ветер, а текущая река только

усиливала его. Около одиннадцати часов ночи Императрица готовилась ко сну; одна из фрейлин расшнуровывала её панье. Как обычно перед сном, она выпила стакан кипячёной воды и легла в мягкую кровать. Близкая служанка закрыла шторы балдахина.

Когда она пожелала доброй ночи государыне и уже прошла несколько шагов к двери, вслед прозвучало:

— Катенька, завтра необходимо начать собирать вещи. Скоро мы отправимся в уникальное место.

Императрица проснулась в колоссальном подъёме морального духа: жизнь стала яркой и интересной. Она окрылённая ходила по дворцу, стараясь первой начать беседу с придворными, хотела поделиться эмоциями. Она отмечала даже ту маленькую радость, что её оболочка будет соприкасаться с ветром, который гуляет там. Каждый день она просыпалась с нетерпением конца этого дня — чтобы приблизиться к дате отплытия. Императорский двор гудел как взъерошенный улей: люди метались из стороны в сторону. Кто-то заглядывал под фарфоровые вазы, отворял двери, расшторивал окна. Никто не понимал, что происходит, куда податься. Новость об отъезде Императрицы ошеломила придворных; чуть позже пошли слухи о печальном положении с заболеваниями в городе. Кто-то кричал, кто-то плакал, а кто-то продолжал кушать сладкое пирожное, кошкой стискивая его со стола. Многие боялись спонтанной поездки монарха, но невольно сами хотели отправиться и испытать ощущения на только появившейся чуде-технике — пароходе. Столичный завод получил заказ от двора и уведомил в официальном письме, что проект будет завершён через пять месяцев.

Лето расцветало в своей красе: вода неспешно перемещалась в своём направлении, а чуткий запах цветущей липы подавал надежду. Облака отбрасывали причудливые тени на землю, будто посылая недвойственный сигнал. Даже в голове всё переменялось: сознание задышало воздухом горных долин, воображение расширилось до материковых масштабов, а полёт мысли стал глубоким, как пучины тихого океана. Однако намеченная дата отплытия словно посадила в клетку всё оставшееся удовольствие от жизни. Императрица жила только этой мыслью, только этой датой. Её перестало интересовать всё, что интересовало раньше. Придворные пытались развлекать её философствованием, но она ясно давала понять, что это выглядит пошло и совсем неуместно.

II

Путешествие такого лица, как тогда было принято, обязательно должно было включать в себя пёстрые цвета, оркестр с большими духовыми инструментами, множество ламп и ярких эмоций. Судно было обильно украшено красным лионским шёлком; вся палуба горела богатством. На корме и носу развевались флаги из репса с золотой вышивкой и ярко выделяющейся императорской буквой R. Хотя каюта Императрицы была достаточно скромна, главное заключалось в том, что она начала наполняться настроением и долгожданным чувством исследования. По вечерам она была увлечена только чтением: под малозаметный звук ударяющихся волн читала литературу, написанную ещё две тысячи лет назад. Начала штудировать всё, что хотела прочитать ещё во дворце, но постоянно откладывала.

На третий день, стоя на корме, в небольшой бинокль Императрица высматривала животных, описанных в газетной статье, но лесные массивы и берега были совершенно пусты. Лишь глубокий лес смотрел прямо в её глаза; деревья своими силуэтами создавали текст, который так хотел быть прочитанным. Один за другим столбы деревьев заслоняли друг друга, будто прорываясь вперёд, чтобы сказать своё слово первыми. Даже ветки причудливо складывались, эгоистично стремясь запечатлеть картину текущего времени. Хотя лес был очень густым, в нём полностью отсутствовали кусты и высокая трава. Земля была обнажена. У самых корней виднелись куски пепла и обгоревшей древесины. Даже берега оказались совершенно обыденными: не внушали никакого интереса — лишь горы влажной земли и воздушного песка. Постоянно дул в спину ветер неопределяемой температуры, будто пытаясь выгнать пришедший издалека пароход. По небу было разлито тропическое море: светлое и прозрачное. Рассыпчатый берег периодически накатывала кремовая волна. Летящие листья из леса постоянно пытались отвлечь внимание; некоторые в хаотичном порядке оставались на палубе. Императрица подняла один — листок вяза. Она немного потёрла его пальцами, чтобы ощутить рельеф, и оттуда обильно начала сочиться жёлтая краска. С отвращением она откинула лист за борт, а он лишь плавно опустился на воду и по небольшим волнам добрался до берега.

Разочарование овладело ею на четвёртый день: природа пресытилась, а уникальности не было совершенно никакой. Она осматривала ночное небо и мечтала оказаться там; прикасаться к планеткам, обжигаться кончиком пальцев о голубые звёзды, ловить платочком холодные кометы. Но всё стало таким обыкновенным, неспособным вызвать ни единого движения души. После дворцовой жизни ей хотелось раствориться среди умиротворения и спокойствия. Императрица закрылась у себя в каюте; лишь изредка отвлекаясь от книг, поглядывала в иллюминатор. Ощущалась полная безнадёга и унылость происходящего.

Ближе к вечеру, часов около семи, на берегу среди высохшего тростника сидела девочка лет десяти. Она, уткнувшись головой в колени, покачивалась из стороны в сторону, как маятниковые часы. Тёмно-серое платье из грубого сукна едва прикрывало открытые плечи. На правой стороне шеи виднелись следы глубоких царапин от дикой ежевики; на руках — множество засохшей грязи. Маленькие коленки были в покраснениях, а голени — покрыты крапивными ожогами. Девочка выглядела уставшей, потрясённой от громко ворвавшегося события в её только начавшуюся жизнь. Гудящий на всю долину пароход её совсем не заинтересовал; ореол из плотного воздуха, в котором можно было увязнуть как в трясине, не позволял к ней прикоснуться. Пароход начал замедляться. Императрица вышла на палубу и окинула взглядом опушку леса. Верхушки деревьев играли со светом раннего заката. Чуть позже она увидела девочку и, немного выпрямившись, подошла к советнику.

— Михаил Васильевич, что с этой девочкой?

Советник, поведя бровью и прищулив глаза, протяжно выдохнул и молча пошёл к капитану. Судно остановилось у берега; конвой разделился надвое: одни начали перетаскивать тяжёлые сундуки, другие — вбивать клинья по периметру.

— Девочка, где твои родители? — рысью подкралась Императрица.

Девочка проигнорировала. Императрица положила тёплую ладонь на ледяное плечо; та резко обернулась и бросила незабываемый взгляд — чудовищно пустой и отрешённый.

— Лес горел... Нам кушать больше нечего! Матушка сказала идти в лес, ягоды есть. А ещё сказала, что придёт за мной, но не пришла... Потом я заблудилась, услышала страшный рык и побежала к реке. Здесь сижу... — Девочка ещё сильнее вжалась в собственные ноги.

— Что? Как это возможно?! Михаил Васильевич, немедленно требую выяснять обстоятельства.

— Да, Ваше Высочество. Я отправлю людей по ближайшим деревням. Дитя, скажи, из какой ты деревни? Где она находится?

— Ничего не знаю я! — Девочка подняла заплаканное лицо и бросилась в густые заросли рогоза.

— Стой! Куда же ты?! Хватайте её! — крикнул советник двум конвоирам; те, бросив сундук, ринулись за девочкой.

— Михаил Васильевич, часто такое бывает?

— Ваше Высочество, точных сведений нет. Но в годы засух и неурожая, полагаю, такое встречается. Люди бедствуют...

— Во дворец мы взять её не можем. Может, родители одумаются и заберут?

— Вашему Величеству предлагаю определить девочку в одну из ближайших церквей: священники помогут ей. Она получит образование, вырастет и станет достойной христианской девушкой.

Каждое слово резало слух; больно было принять, что это единственное место, куда можно отправить девочку. В ней она увидела себя — наивные и голодные детские глаза заставили её прослезиться.

— Михаил Васильевич, — начала она твёрдо и уверенно. — Необходимо совершить визит в ближайшие деревни. Я хочу лично удостовериться, что с крестьянами всё в порядке.

Советник, придворные девушки и целый полк были потрясены этим заявлением.

— Ваше Величество, я глубоко обеспокоен вашей безопасностью. Могу ли предложить перенести визит до тех пор, пока не будут обеспечены все меры предосторожности?

— Михаил Васильевич, причины ваших тревог мне неведомы. Пусть конвой будет готов через час — мы отправляемся.

Большая палатка стояла на берегу реки. По периметру были установлены влагозащищённые тенты; внутри было просторно и стояло множество мебели. Лежали неразложенные складные стулья, диван и столики из светлого дерева с золотой инкрустацией. Императрица зашла, чтобы переодеться в более подходящую одежду. В углу стояла прекрасная ширма из красного шёлка с рокайльным орнаментом; на верхушке — золотая фигура короны. Она зашла за ширму и начала расшнуровывать корсет — процесс был сложный.

— Если будет на то Ваша милость, я с усердием помогу вам снять корсет и панье, чтобы вам было удобно, — обратилась фрейлина.

— Не стоит, Катенька, не хочу обременять тебя хлопотами. Задумала я вылазку в деревню — посмотреть, как наши крестьяне живут. Будь добра, приготовь мне тёмное шерстяное платье с длинными рукавами и кожаные сапоги, — запыхавшись, ответила Императрица.

Деревня В. выглядела очень бедно: грязная размытая дорога, усталая коровьями лепёшками — «не пройти, не проехать». Домов было около десяти, но половина уже с покосившейся крышей. Избы походили на заброшенные. Раньше деревня отличалась трепетным подходом к земледелию: здесь росла лучшая картошка и капуста. Мещане из других сёл приезжали

за местными овощами. Но самое интересное — деревню окружал смешанный и очень густой лес, в котором происходили странные события. Весной сморчки достигали такого размера, что в голове не укладывалось, как гриб может быть размером с десятилетнего ребёнка. Тогда приезжал настоятель храма из Вересовки со своим дьяконом. Они делали ежедневный обход опушки и зачитывали молебны — но результата не было. Деревенские не молились, не ставили свечи, не ходили в храм. Тогда в лесу перестали водиться зайцы, а потом и вовсе пропали грибы. Крестьяне ели одну картошку, запивая берёзовым соком. Церковнослужители, впервые столкнувшись с чем-то потусторонним, наделили лес бесовскими качествами и, откланявшись перед помещиком, спешили удалиться.

III

— Ты токмо давай нормально грядки окучивай! А то ишь! Зимой одни сорняки жрать будем! — Согнувшись над землей, щипая руками мелкую траву и говоря строго прямо, — отчитала своего сынишку одна из здешних крестьянок.

— Матушка... — протянул сын. — Ну начала же ты опять свою эту... Нормально делаю я! Сорняков то две штуки на грядке, а ты вид делаешь, будто все репеем поросло.

— Зинка, поди посмотри, что этот бестолочь делает. Я ему говорю так, а он — сяк! Зайка-то есть, а лужка нормального и не видать, — обратила внимание своей подружки матушка.

Вдалеке послышался очень четкий гул и лошадиное фыркание; шлёпанье по грязи становилось всё громче и громче. Конвой, состоящий из тридцати пяти человек, в который входили кубанские казаки и кавказские горцы, под командованием троих офицеров, ближнего советника и камер-группы личной охраны императрицы, уверенно двигался в сторону деревни. Императрица очень умело управлялась в седле. В её юношеские годы, она успевала жить полной жизнью, в перерывах между религиозными уроками. Питала большой любовью к лошадям, в общем и целом, ко всем остальным животным тоже. После коронации снова возобновила занятия с лошадьми: еженедельные конные прогулки были для неё формой отдыха и помогали дожить не до конца прожитое детство.

— Михаил Васильевич, вам не понять тонкость лошадиной психологии, тут нужно быть более деликатнее, чем со мной! — Усмехнулась над своим советником Императрица, видя, что у того всё туго с управлением лошадыю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.